

“Времена землемеров”. Модернизм

Неприязни и конфликты между русскими и латышскими православными семинаристами

в 80-е — 90-е годы

По роману Павила Грузны «Бурсаки»

Борис Инфантьев

Стр. 34.

Раса первым приветствовал епископа, священник тут же речь перевел. Всем казалось, что на нее епископ ясно и понятно сказал по-латышски «палдиес», но на самом деле он сказал порицание: «Балбес! Они у меня не знают еще русского языка!»

Сам священник тоже был взволнован и краткий русский молебен совершил, сбиваясь и ошибаясь, так что владыка кое-где неудовлетворенно проворчал: «Что ты, поп, службу уже забыл?»

Стр. 38.

Виктора Расу взялся подготовить к экзаменам псаломщик Красногорский. Был семинарист, обладавший тоже басом, но не менее сильным, чем тогда у того (приезжего) семинариста.

Он пил много водки. Ел сухой ржаной хлеб и жевал капусту. Носил обвязанное полотенце. Рот редко полоскал. Всегда в одной и той же одежде. Подняв воротник, поднимал и плечи, носил два пальто, засунув рукав в рукав, глаза опускал вниз, к носкам ботинок, а они были всегда грязные и рваные. К своей внешности относился философски спокойно-равнодушно.

О нем говорили, что он умный, однако мес-

то священника ему не давали из-за пьянства, а также потому, что не мог себе найти жену.

Его поучения Виктору:

— Ты, молодой человек, будешь привезен в город и отдан там в руки судей! Они тебя будут проверять и допрашивать, как однажды те книжники. Но будь смелым, невинным, как голубь, и хитрым, как змея! Ты отвечай, не позволяй себя водить за нос! Ибо иначе ты будешь уничтожен! И когда ты выдержишь первый удар, ты будешь от козлиц отлучен и принят в семейство овнов. И попадешь в духовную темницу — чистилище, где наденут цепи науки и пороть будут кнутами мудрости, оденут тебя с ног до головы, даже ботинки и шапку тебе дадут. А ты только слушайся, будь нем, как рыба, и не береги своего лба, когда им надо биться о камни. Пусть камни с тобой говорят! Иначе ты станешь беглецом на земле. И когда ты четыре года выдержишь все искушения, тебя спасут из этой тюрьмы, как нашего великого маэстро, когда тот в пустыне постился сорок дней и ночей...

Ты будешь очищен, светел и чист, как восковая свеча. И тогда это дерево пересадят в чудесный сад. Ты загорись, как свеча, светлым пламенем. Ты станешь в бурсе, то есть в семинарии, и будешь называться бурсаком, будешь

ходить еще шесть лет с улыбкой риторы на своих губах, два — с морщиной философа на лбу и два — с закрытыми глазами богослова. И тогда ты уже будешь называться студентом.

И за это время ты забудешь своего родного отца и мать, сестру и брата, и привяжешься к другим, и те будут, как херувимы и серафимы, которые тебя на крыльях будут носить.

И когда ты так со страхом вкусишь от древа познания, тебя оттуда изрыгнут, за тобой затворятся ворота Эдема, и ты будешь такой, какой теперь я.

— Как теперь ты?!

— Да, да, юный человек! По волосам, как я!

И тогда еще много из археологии и алхимии ты будешь изучать. А чтобы твои предвидения тебя не обманывали, начнешь с эры или эпохи Гоголя и Помяловского.

— Что такое бурс?

— Бурсак, это другого рода человек. Это даже не человек. Он — высшее существо. Он, прежде всего, должен учиться. Гности сеаутон! У него нет мира. И мир не для него и не ради него. Он абсолютно один в большой черной пустыне. И каждый день он будет окружен заботами. Омниа меа мекум фора! Ему ничего не принадлежит. И он никому не принадлежит. Ты видишь здесь богатую обстановку вокруг меня: стол, два стула и кровать. Разве это мое и для меня? Это единственный атрибут, навязанный временем. Бурсак — отрицание сущего и пророк возникающего. У него, как у пророка, нет другого служения, как...

И он изгнан из общества. Гомо сапиенс. Это ты, младенец, поймешь, когда начнешь курить папиросы и пить водку!

И теперь ты начинаешь трудный дальний путь, неизвестный нам путь. Да не постыдиться во веки. Аминь.

Стр. 44.

Рыжебородый прислужник по столам делал куски черного хлеба и сыпал соль на тарелки.

— Нельзя говорить на языке чухонов!

— Мы же по-латышски...

— Так вы, кажется, думаете, что казенный хлеб для всяких таких латышей?

— Нам не нужно хлеба, у нас у самих кренделя!

— Ну, посмотрим, как долго у вас этот хлеб пойдет с этими немецкими кренделями! И как придется иногда просить русского хлеба!

Стр. 57.

Наконец школы посетил и епископ Арсе-

ний. Неожиданно его карета остановилась у ворот школы. Так он обычно нежданно-негаданно появлялся. Епископ был уже в школе, когда, задыхаясь, прибежал заведующий Андрей Иванович.

— Что, спал?

— Богу молился!

— Ну, в это я не поверю! Ты хорошо умеешь лгать. И если я тебе это прощу, то это сделает, может быть, и Бог. А ну, показывай, которые у меня русские, которые — латыши, которые — эстонцы.

Так он, длинным посохом стуча об пол, спрашивал в каждом классе. Все вставали по очереди.

— Это латыши? — он удивлялся. — Похожи на немцев.

— А это эстонцы? Настоящие самоеды! А вы русские? Вы настоящие камчадалы, ибо плохо у меня учитесь. Пойте каждый на своем языке

И все пели одну песню вместе. Эстонцы кончили первые, затем латыши, после них — русские.

— Я уж это знаю, — заметил епископ, — русский спит, а чухна в то время со свистом пляшет вокруг него.

Подходит к одному ученику.

— Снимай ботинки! Покажи мне — есть ли у тебя чулки на ногах?

Тот снимает.

— Почему чулки дырявые, а? Андрей Иванович, введите в программу занятия с иглой и ниткой! Вот когда будешь священником, тогда и будешь бегать в дырявой одежде. У кого дырявые чулки, у того дырявая голова.

— Скинь кафтан! Рубашка у тебя есть? Почему не белая, как снег? У кого нечистая рубашка, у того может быть и нечистая совесть. Где нательный крест? Что? Ты православный или цыган?

— Я... Про...

— Ну, конечно, ты — цыган. Тебе не священником и пастырем душ служить, а лошадей красть. Ни души, ни лошади у тебя нет. На мой крестик. — И епископ снимает с себя крестик и дарит его бедному бурсаку как дорогую память на всю жизнь.

Потом идет в столовую. Все поют молитву и садятся.

— Кто вам позволил садиться? Разве я пищу благословил? Андрей Иванович, подай сюда блюдо с гороховым супом.

Андрей Иванович, улыбаясь, спешит поднести суп.

— С червями или без них?

— Только первоклассные продукты! — утверждает Андрей Иванович.

— Хорошо, уж, хорошо. Но я говорю, если с червями, то это будет уже не постная пища! Как оно, любезный! Ну, читай Отче наш! И тогда пусть во имя Господа Бога! Будем есть все вместе! Я тоже однажды вот так, как маленькая чушка, хлебал постный гороховый суп с червями.

И сам усаживается за стол воспитанников, пробует и хвалит.

Настроение воспитанников повышается. Им так приятен этот властный и грозный, но вместе с тем простой и задушевный епископ.

— Если у кого какая жалоба, пусть не боится, а говорит мне смело!

Стр. 64.

Сам (Красногорский) пропал неизвестно куда. Весной он стал в Вильно пить. Однажды даже упал в колодец трактира, пролежал в нем целую ночь и очень заболел. Потом вроде бы встал, «пошел в мир». Его подавляло единообразие «мировой скорби» и тяжелые бытовые волны.

Позже Раса прочитал во «Внутренних Российских известиях», что в какой-то железнодорожной катастрофе на железнодорожной платформе найден придавленный некий Красногорский. Он ли или другой кто? Жалко было этого философа-стоика.

***

В школе поменяли учителя. Новый учитель получил прозвище «лисица»: ползал вдоль стен легкими кошачьими шажками. Шел посередине улицы, говорил сладким голоском, любимчиков поил чаем со сладостями. Раздобыл военные мундиры и деревянные сабли и затем со знаменем и русскими песнями часами маршировал по школьному двору. Школьникам рекомендовал калоши и белые воротнички. И руки велел мыть чаще. Настала более просвещенная эпоха.

— Но латышские народные песни пусть лучше не поют. Это мешает подлинному Божьему духу, поскольку они языческие.

Стр. 71.

Раса после обеда весьма комфортабельно устроился и читал «Диенас Лапу». Вдруг вошел помощник инспектора. Спрятать было некуда.

— Что читаешь?

— Вот, «Диенас Лапу»!

— Что за «Лапу»? Вы можете читать только официальный «Рижский Вестник»! Иначе вам сделают из этой Ляпы крылышки — и тогда сможете лететь отсюда, куда хотите. Чтoб эту Ляпу я больше никогда не видел! — и ушел рассерженный.

Раса впредь каждую газету держал вложенную в «Рижский Вестник».

Стр. 109.

Жил в бурсе старый вдовец священник Никита из Российской глубинки. Он был исповедником бурсаков. У него была кристально чистая душа ребенка. Когда он приходил в классы и по вечерам кое-что рассказывал, то с самым большим интересом слушали его о святых местах, которые он посетил: «Дворец Давида в Иерусалиме, как это известно, разрушил персидский царь Кирас пушками». Он никогда не плыл на пароходе, «ибо не может быть такого, чтобы кусок железа мог держаться на воде». Он считал, что говорить на трех-четырёх языках невозможно, ведь они смешались еще в Вавилоне! И как только закончил бурсу, тут же забыл и греческую, и латинскую, и древнееврейскую азбуки. Ему давали книги, но он действительно не узнавал ни одной буквы. Тем, кто был у него на исповеди, он в списке ставил крестик и расспрашивал, сколько у родителей коров, сколько свиней. Никогда не мог отличить латыша от эстонца и утверждал, что таких вообще нет, все они только немцы, которых нужно переделать в настоящих русских. Не удивлялся, если в регистрах бурсаков оказывалось больше, чем действительно он исповедовал. И не сердился, если приходили на исповедь два-три раза подряд...

Однажды Никиту обманул один эстонец. Два или три раза он неизвестно где пропадал. Вернулся усталый, растрепанный.

— Где ты был, сын мой? — спросил исповедник.

— Мать моя умерла, схоронил.

— Мир ее праху. Пойдем, отслужим панихиду по ее душе. И вместе с товарищади эстонец падал на колени, засыпал от усталости, но геройски слушал молитвы за упокоение души матери. Даже слезы, казалось, утирал. Но вот странное совпадение! На второй день приехала мать эстонца и прямо у духовника спросила о здоровье своего сына.

Духовник очень испугался, затем рассердился. Но впоследствии тот самый эстонец его

убедил, что это была не его мать, дух умершей матери. И 'пп Никита в своей детской вере еще радовался, что он достоин уже той полноты совершенства, что даже духи послушны.

А эстонец сидел за все это в карцере и пел «на десятый глас» — «извели из темницы душу мою, о, Господи!» Услышав эти слова, духовник просил ректора, чтоб избавил пленника из Галилейского плена. В благодарность за это духовнику эстонец из сеней его квартиры унес бутылку вина, из которого батюшка отпивал по большим праздникам. И, о, ужас! В первый большой праздник в винной бутылке отец Никита вместо вина нашел чернила... Тому он очень дивился и себя спрашивал: «Разве я действительно такой грешный, что даже вино за мои грехи становятся чернилами?» В своей деревне он еще очень давно своими силами построил новую церковь, новую школу и основал приют. Его грудь украшал орден.

Стр. 109.

Профессор догматического богословия — всегда в калошах, с зонтиком под мышкой. Он был влюблен в свои лекции, которые никогда не мог завершить по программе из-за своих расплывчатых речей.

Стр. 111.

Своеобразным и оригинальным событием в бурсе считался публичный диспут со староверами, которых тогда называли раскольниками. Их обычно устраивали в Великом посту старшие богословы для практического опыта, поскольку в будущем в сане священника было предусмотрена также борьба с сектантами и, так сказать, работа миссионера.

В положенное воскресенье без какой-либо публикации собиралось большое количество русских людей — и староверов, и православных. К бурсе подъезжала целая повозка со староверскими проповедниками с кучей старых, больших и тяжелых церковных книг. Среди публики на столах раскладывали книги как приехавшие, так и бурсаки. Перекрестив-

шись каждый на свой лад и пропев совместно молитву, раскрывали огромные книги и начинали словопрения. Причем следует учесть, что староверские огромные, весом в пуд книги по большей части были тщательно рукой переписаны, а не в типографии напечатаны. Это было делом всей жизни апостолов. Разумеется, свои книги, воспитанные самими староверами их наставники и руководители знали на память гораздо лучше, чем бурсаки — свои. И последние на основе доказательств Писаний часто были биты и разгромлены. По этому поводу ликовала староверская публика, они насмеялись над провалом православных. Другая же половина ругала противников сильными словами. И так диспут часто превращался в шумный хаос, в котором смешивался смех со злобой и высокомерие с беспомощностью. Порядок в таких случаях все же устанавливали, и в конце концов победителем выходил профессор бурсы — специалист по борьбе со староверами, который в диспуте руководил бурсаками.

Религиозные споры затрагивали такие вопросы как два или три пальца для крестного знамения, стрижки бороды и курения табака, сугубая или тригубая «аллилуйя», слово это не является ни русским, ни греческим, а еврейским словом. Поднимали вопрос о том, как писать слово — «Иисус» или «Исус»? Из какого дерева крест страданий Христа? Сколько прощфор нужно на литургии — пять или семь?

Когда публика уже разошлась и книги в металлических затворах застегнуты и увезены, бурсаки еще, затачив за бороду какого-нибудь наставника в свой класс, мучили его даже до ночи. Но он не поддавался, не позволял в своем присутствии курить, пил чай с «постным сахаром», ибо к белому, как он считал, приешаны кости. Пил и промывал бурсацкие мозги своими мудростями, по поводу которых потом было много смеху. Особенно о том, как из «лона блудницы» вырос табачный дым в Вавилоне, когда там царил Семирамида.